

— ✦ МАРИНА ВЕТРОВА ✦ —

♥
Влюбиться
назло
КАПИТАНУ

Марина Ветрова

Влюбиться назло капитану

«Автор»

2026

Ветрова М.

Влюбиться назло капитану / М. Ветрова — «Автор», 2026

Он — звезда хоккея, богатый красавчик и любимец университета. Я — бедная студентка, которую он публично унизил. Одна нелепая случайность перечеркнула мою жизнь. Теперь, чтобы сохранить стипендию и не вылететь из академии, я обязана стать личным физиотерапевтом Максима Ветрова — самого высокомерного капитана хоккейной команды. Он ненавидит меня. Издевается, угрожает и требует беспрекословного подчинения. Но я случайно узнаю его опасную тайну. За безупречной улыбкой скрывается травма, способная уничтожить его карьеру. Теперь мы зависим друг от друга. А ещё есть его лучший друг, который готов защищать меня от самого капитана. Только почему сердце предательски замирает именно рядом с моим мучителем? И что случится, когда тайна выйдет наружу?

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марина Ветрова

Влюбиться назло капитану

Глава 1

Из приоткрытых ворот спортхолла дуло прямо в лицо. Я опаздывала на десять минут и на бегу искала нашу группу. Пропустить практику по биомеханике — получить выговор; второй выговор мог стоить стипендии. Без неё не оплатить даже комнату в старом общежитии при академии, где вместе со студентами жили техслужащие. Лишь бы успеть до переключки.

Я бежала вдоль бортика, стараясь проскользнуть незамеченной между группами студентов, которые уже расселись на трибунах. В голове крутился план: сесть в заднем ряду, молчать, улыбаться, если спросят, и выжить до конца пары.

До свободного места оставалось несколько шагов.

У открытой калитки под подошву попала чёрная шайба. Нога поехала, я взмахнула руками и задела стоявший на краю скамейки ноутбук. Он ударился об пол раньше, чем я вывалилась через калитку на лёд, прямо перед основной командой «Волков». Только бы не под коньки — больше ни о чём подумать не успела.

Удар был глухим и болезненным. Ледяная крошка забила за воротник и в рот. Я упёрлась ладонями в лёд, пытаясь подняться. Мокрая куртка тянула вниз, а рядом уже кто-то тормозил.

Рядом со щекой проскребло лезвие. Я дёрнула голову назад, зажмурилась, потом подняла глаза: белые щитки, тёмные брюки и лицо, которое знал весь город. Максим Ветров. Капитан. Звезда лиги. Сынок владельца клуба. Он смотрел на меня, даже не приподняв брови.

— Убери мусор с моего льда, — его голос не дрогнул. Он даже не остановился полностью, лишь чуть сбавил ход, чтобы не поранить меня случайно. Или специально? — Нищевродка. Ты путаешь университет с ареной для бездомных?

Хихиканье раздалось с трибун. Десятки глаз смотрели вниз. Щёки горели, на ресницах дрожали слёзы. Попыталась встать, но ладонь соскользнула по мокрому льду — и на трибунах снова прыснули.

Максим фыркнул, развернулся и уехал дальше, оставив меня лежать в луже талой воды. Моя карьера студентки закончилась раньше, чем началась лекция.

В кабинете декана Ковалева пахло старой бумагой. Я обхватила чашку обеими ладонями, но всё ещё дрожала. Мокрая куртка липла к спине. Ковалев разложил на столе мою ведомость, постучал пальцем рядом с фамилией. Ни одной задолженности. Я рассчитывала, что он это заметит.

— Порча имущества, выход на лёд во время тренировки, — Ковалев загибал пальцы, перечисляя. — Алиса, вы не туда поступили. За такое отчисляют. И бегать с жалобами бесполезно.

— Я упала! — выпалила я, сжимая кулаки под столом. — Шайба была там незаконно, никто не убрал её после разминки юниоров. Это не моя вина!

Ковалев подвинул ведомость под папку. Даже просматривать не стал.

— Для Максима Ветрова твоя вина очевидна. А для ректора... есть альтернатива. Команда нуждается в физиотерапевте-стажисте. Нужен человек, который разбирается в биомеханике и не будет спорить с руководством. Ты станешь личным помощником капитана на тренировках. Будешь стоять рядом, носить воду, делать растяжку, слушать его требования. Иначе ты идёшь домой. Стипендия аннулируется немедленно.

Растяжка, вода, требования капитана. Ни слова о моём учебном графике. А я-то поступала на спортивную медицину, считала баллы, боялась не пройти конкурс. Но куда мне идти после отчисления? Комнату в общежитии давали студентам и работникам академии. Уборщицам там платили меньше моей стипендии.

— Это эксплуатация, — тихо сказала я.

— Это сделка, — отрезал Ковалев. — Решай. Через час первая тренировка основной группы.

Прежде чем я успела ответить, дверь кабинета распахнулась. Дарья Гром вошла, словно хозяйка положения. Идеальная причёска, дорогая форма. Она улыбнулась декану, а на меня посмотрела уже без улыбки. Она скользнула взглядом по моим растрепанным волосам и красным от холода рукам.

— О, новенькая прислуга для нашего принца? — пропела она, проходя мимо моего стула и слегка задев плечом моё плечо. — Выглядишь грязной, как после драки в канаве. Команда будет в восторге.

Она вышла. Декан не сделал ей ни замечания. Я потёрла плечо, которым она меня задела: значит, ей тоже разрешено.

Я подписала договор, не глядя на довольного декана. Свою копию сложила и убрала в карман.

На арене всё ещё сидела наша группа. У калитки гудел холодный воздух, и я пожалела, что оставила мокрую куртку сушиться в комнате персонала. Новую форму выдать не успели.

Вместо формы мне дали тонкие спортивные штаны. Футболка осталась своя. У барьера я попробовала потоптаться, но кеды уже намокли, и согреться не получалось. Пришлось прикусить край воротника: если перестану щёлкать зубами, хоть говорить смогу.

Максим делал круги по площадке, каждый раз проходя мимо калитки, где я стояла. Даже не поворачивал головы. Под коньками скребло; от каждого прохода меня обдавало ледяной крошкой. Я спрятала одну ладонь под мышку, потом другую.

Сдайся. Уйди, тебя засмеют. Я слышала собственные мысли громче скрежета коньков.

Но я не ушла. Вместо этого я достала блокнот и ручку. Пальцы едва слушались, ручка скользила. Я упёрла блокнот в борт и записала то, что заметила на повороте.

«При резком повороте корпус заваливается влево. Перегрузка правого коленного сустава. Амортизация недостаточная. Риск мениска...»

На следующем круге он снова перенёс вес на левую ногу. Я подчеркнула запись. Пусть делает вид, что меня нет. На проверке практики я покажу эти наблюдения, а не пустую страницу.

На очередном круге Максим затормозил возле калитки. Крошка полетела на страницу; я прикрыла её ладонью. Он заглядывал поверх борта прямо в блокнот.

— Что это? — спросил он, указывая на блокнот.

— Анализ ваших движений, — ответила я. Ручку держала крепко: только бы он не заметил, как она дрожит. — На повороте правую ногу бережёте.

Он дёрнул блокнот. Я удержала за угол, но запястье заболело, и пальцы разжались. Ветров пролистал записи до подчёркнутого колена. Вырвал страницу, потом ещё одну. Ключки бросал через борт, в меня, а я всё смотрела на оставшуюся обложку: там ещё была бумага, можно было восстановить по памяти.

— Здесь нет ничего, кроме твоего дерьма, — процедил он. — Ты бесполезный инструмент. Грей скамейку запасных или убирайся.

Клочок бумаги прилип к моей щеке. Я медленно сняла его. Он порвал все записи, даже лист с расписанием. Пальцы ещё дрожали, но теперь мне хотелось не спрятать их, а вырвать у него обложку.

Блокнот он ещё держал. Я поймала его руку за перчатку, прежде чем он выбросил остаток. Ветров уставился на мои пальцы. Сам, выходит, мог хватать, а я — нет?

— Ты бережёшь правое колено, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. Он перестал вырывать перчатку. Слово «колено» я явно выбрала удачно. — Если ты меня выгонишь, я напишу рапорт ректору о твоей скрытой травме. О том, почему ты хромаешь к концу тренировки и избегаешь контактов справа.

Он посмотрел на мою руку на своей перчатке. Даже с трибун больше не смеялись.

— Ты думаешь, ты умная? — прошипел он, вырывая руку.

— Я думаю, ты боишься, — ответила я.

— Макс, тренер зовёт. К калитке подошёл Егор Тимин, защитник. На командных фотографиях он обычно стоял рядом с капитаном; я знала, что они дружат. Теперь он держал два стакана, и от обоих шёл пар.

— Эй, тише, — сказал он мягко, протягивая одну чашку мне. — Извини за Макса. Он... сложный характер. Попей, замерзла вся.

Стакан был такой горячий, что пришлось перехватывать его за верхний край. Егор не спешил уходить. Я ждала, что он тоже пошутит про прислугу, — напрасно. Он лишь подождал, пока я отпью.

— Спасибо, — сказала я, делая глоток. Чай был сладким, слишком приторным, но живительным.

Максим наблюдал за этим обменом. Его челюсть сжалась. Он перевёл взгляд с кружки на Егора. Что ему не нравилось — чай или то, что его друг принёс его мне? Я сделала ещё глоток, нарочно не пряча кружку.

Егор оглянулся на свисток тренера и вернулся к команде. Я допила чай. Пустую кружку выбросила в урну, а обложку разорванного блокнота убрала в сумку: покупать новый сейчас было не на что.

В комнате персонала было пусто. Команда ещё оставалась на льду, тренеры разбирали тактику. Я собирала вещи, торопясь вернуться в общежитие.

Дверь закрылась за спиной с тихим щелчком. Я обернулась.

У двери стоял Максим. Я попробовала пройти; он шагнул наперерез, и пришлось отступить к шкафчику. Защёлка упёрлась мне в спину. Между нами почти не осталось места, я видела каплю пота у него на воротнике. Посмотрела вниз, на правую ногу. Он сразу перенёс вес на другую.

— Повтори это вслух, и я сделаю твою жизнь невыносимой, — прошептал он. Его голос сорвался. — Ты понимаешь?

Я не отвела взгляда. Смотрела на шрам над его бровью, на расширенные зрачки.

— Боишься? — тихо спросила я.

Он замер.

— Значит, я права, — добавила я. Говорить громко не получалось. Он стоял слишком близко, и я всё проверяла, достану ли до дверной ручки.

Я ждала нового оскорбления, но он молчал. Значит, угадала. Весь день он гонял меня по льду, а теперь не мог ответить на один вопрос о собственной ноге. Мне всё ещё было страшно; только и ему, похоже, тоже.

Он убрал руку со шкафчика, освободив выход. Я сразу шагнула к двери.

— Завтра покажешь эти свои повороты, — бросил он вслед. — И никому ни слова.

За ручку двери я взялась со второй попытки. Он всё-таки хотел услышать, что я заметила. Но даже попросить об этом нормально не мог.

Глава 2

На следующее утро от запаха резины в спортхолле меня затошнило. В сумке лежал блокнот с вырванными страницами, в кармане — выданный деканом договор. Ультиматум был простой: либо я лечу капитана «Волков», либо вылетаю из университета с волчьим билетом и долгом за разбитый ноутбук Ветрова. Личный физиотерапевт-стажист — так стояло в договоре. На деле мне выдали планшет с журналом нагрузки и велели держаться у калитки. Тёплую форму я взяла свою.

— Ложиться я никуда не буду. Максим натянул перчатки, хотя я ещё даже не попросила его пройти к кушетке. — У тебя десять минут. Я разминаюсь, ты делаешь свои записи. Только не загораживай калитку.

Я раскрыла журнал нагрузки. В графе пульса по-прежнему было пусто. — После нагрузки показатели снимают на остановке, Ветров. Я не померю тебе пульс на бегу. — А ты попробуй. Он усмехнулся и отъехал, прежде чем я ответила. Приём тот же, что вчера: сказать гадость и оставить меня спорить с его спиной. — Держись у бортика. Не отставай.

На первом круге он тормознул возле калитки. Ледяная крошка набилась в сетчатый верх кроссовок, пальцы сразу заныли. Я отступила, но на следующем круге брызги долетели до щеки. Вытерла её рукавом. Он ведь мог тормозить в любом другом месте. С трибун снова смеялись.

Дарья сидела в первом ряду, положив сумку на соседнее место. Подруги теснились вокруг неё, хотя свободных кресел было полно. Она смеялась громче всех: мне даже оборачиваться не требовалось. — Смотри, она даже коньки завязать не может! — крикнула она, и её подружки захихикали. — А будет лечить нашего бога? Жалко только швабру.

Я оставила планшет на скамейке и вынула секундомер. Записывала время кругов в блокнот. Датчик пульса он оставил в раздевалке; вручную снять показания смогу только после остановки. Максим помахал мне от дальней калитки: — Сюда. Или будешь весь день считать воздух? Я вышла на лёд, держась за борт, попыталась дойти до него. На третьем шаге подошва скользнула. Падение на колени выбило воздух из лёгких. Секундомер ударился о лёд, но остался у меня в руке. Я всё ещё держала кнопку нажатой. Цифры бежали, а я не могла встать.

Свисток тренера разорвал тишину. — Всё, хватит. Алиса, в медпункт. Игорь Сергеевич подошёл со скамейки, присел рядом. Я попробовала подтянуть колени и сразу зашипела. — На лёд без коньков больше не выходишь. Слышишь?

Максим резко остановился. Коньки проскрежетали. Он не смотрел на тренера, он смотрел на меня, лежащую на льду. Даже не наклонился помочь. — Врач должен быть готов к полевым условиям, — отрезал он. — Если она не может выдержать пять минут работы, пусть возвращается в общежитие для техслужащих. Продолжаем.

Тренер моргнул, потом подал мне руку. — Сначала в медпункт. В зале продолжишь, если сможешь. Максим откатился от нас, царапая лёд лезвием. Я поднялась с помощью тренера. У капитана, видно, своё представление о том, сколько должна выдержать стипендиатка.

После медпункта я сидела на скамейке в зале сухой подготовки. Под спортивными штанами тянули свежие повязки на коленях. Максим слез с велоэргометра и бросил мне бутылку воды. Она ударилась о пол рядом со мной. — Ты грязная, — сказал он, вытирая пот со лба полотенцем. — И слабая. Как и все, кто путает университет с ареной.

Я подняла взгляд. Щёки горели. Пока подбирала бутылку, следила, как он возвращается к тренажёру. Он сел, подтянув правую ногу руками. Я заметила, хотя он отвернулся. — Ты перегружаешь колено, — сказала я тихо, но четко. — Ты не можешь так кататься. Ты даже сейчас не опираешься на ногу полностью.

Максим замер. Он оглянулся, проверяя, кто нас слышит. Он резко схватил меня за подбородок, пальцы впились в кожу, заставляя задирать голову. — Если ты кому-то скажешь хоть слово о моём колене, — прошипел он, наклоняясь близко, так что я чувствовала запах его дорогого одеколона, смешанного с потом, — я сделаю так, что ты забудешь, как дышать.

Я упёрлась ладонью в его грудь. — Убери руку. Ты хотел данные — получи. Он отпустил подбородок. Я записывала время нагрузки, стараясь не потереть лицо у него на глазах.

Перерыв длился недолго. Дарья, всё ещё смеявшаяся с подругами, подошла к шкафчикам раздевалки. Пока я поправляла повязки на коленях, она наклонилась над моей обувью. Я заметила только блеск маленького пакетика в её руке. Затем она начала кричать, привлекая внимание всей команды. — Пропали ключи от капитанской раздевалки! Кто видел последним эту нищесбродку?

Все взгляды обратились ко мне. В кроссовках хрустело. Намокшие носки тёрли натёртые пятки, и я дёрнула шнурок, пытаюсь ослабить обувь. Любая жалоба сейчас подтвердит версию Дарьи об «истеричке» и «воровке». Я молча завязывала шнурки, стараясь не вскрикнуть.

Максим вошел в раздевалку, услышав шум. Он увидел картину: рыдающую от «несправедливости» Дарью и меня, стоящую с опущенной головой. Вместо того чтобы защитить меня, он грубо отчитал Дарью: — Закрой рот, Гром. Твои игры несерьезны и мешают подготовке. Ключи были на столе. Проверь сама.

Дарья побледнела, но промолчала. Максим повернулся ко мне. Мне хотелось поблагодарить его за ключи — и тут же стало противно от этой мысли. Он лишь не дал Дарье сорвать свою тренировку. — Работай до конца смены, — приказал он. — Мне нужны данные по силовой тренировке.

Мои ноги горели, каждый шаг отдавался болью в пятках, но я шла за ним в зал. Последними стояли приседания со штангой. Максим сдвинул упоры в стойке и указал мне на блин у стены. Мне предстояло помогать менять вес и записывать подходы. Руки ещё дрожали, а наклониться мешали повязки.

Максим закончил подход и поставил гриф на стойку. Я подняла блин обеими руками. — Быстрее, — скомандовал он. Я попробовала надеть блин на гриф, но мокрые пальцы соскользнули. Диск грохнул о пол, едва не задев его ногу. Все обернулись. Я прижала ладони к животу, ожидая крика.

Максим сам поднял диск и надел его на гриф. Посмотрел на мои руки. — Записывай. Вес больше не трогай. Тихо сказал, а я всё равно вздрогнула.

После тренировки, когда все разошлись, я осталась одна в пустой раздевалке. Дверь щелкнула замком. Максим заблокировал выход, загнав меня в угол между шкафчиками. — Объясни свой диагноз, — потребовал он.

Я положила сумку у ног, достала блокнот с восстановленными утром записями и раскрыла на схеме нагрузки. Чёрные линии слегка дрожали перед глазами. — Ты щадишь ногу даже между упражнениями, — сказала я. — Я не могу поставить диагноз по тренировке. Нужен врач и обследование. Но гонять себя с такой болью нельзя, Ветров.

Он взял блокнот и перелистнул к рисунку правого колена. Я начала объяснять стрелки, но он поднял палец: замолчи. Читал долго, для такой маленькой схемы слишком долго. Потом коротко рассмеялся. Мне совсем не хотелось смеяться в ответ. — И кто ещё это видел? — он закрыл пальцем мою подпись под схемой. — Пока никто. — Пусть так и остаётся. Ты здесь не для того, чтобы обсуждать меня со всем курсом.

Он протянул блокнот, но, когда я взялась за край, не отпустил. — Начнёшь болтать — на практику больше не придёшь. Ни сюда, ни в другое место. Я позабочусь, Алиса. Своё имя я услышала в этой комнате впервые. Лучше бы он продолжал обзывать.

Свет в раздевалке мигнул и погас. Я нащупала ручку двери за его плечом. — У меня есть наблюдения, не твой секрет. Завтра покажу их руководителю практики. Он отступил, включил свет у двери. Блокнот положил на лавку. Я забрала его и вышла, не дожидаясь нового приказа.

Глава 3

После тренировки саднили ладони, под повязками ныли колени. До комнаты оставался один пролёт, но я остановилась на лестнице и прислонилась лбом к стене. Слово «нищевродка» всё ещё звучало в ушах. Даже здесь я мысленно отвечала Ветрову — гораздо смелее, чем у него в раздевалке.

Открывая комнату, я уже представляла, как лягу поперёк кровати. Не раздеваясь, только обувь скину. Постель была убрана, тетради сложены, а пахло так, словно здесь только что собирались на вечеринку. Тяжёлые духи Дарьи Гром перебивали даже сырость. На моей подушке лежал длинный тёмный волос. Я живу одна. Кто её впустил?

Сначала проверила тумбочку и сумку на стуле. Ноутбук на месте. Из замка я вынула ключ и положила рядом: если снова захочет войти, придётся стучать. Куртку стянула, промахнувшись рукой мимо рукава. До чего же надо устать, чтобы даже раздеться нормально не суметь.

Я присела на край кровати, стянула кроссовки, потянулась за домашними носками и вскрикнула, едва натянув первый. На натёртой пятке защипало. Вывернула носок: на пол посыпались крупные кристаллы соли. В кроссовках тоже хрустело под стельками. Она добралась и сюда.

— Тварь, — выдохнула я сквозь зубы, отшвыривая носок. Я вытряхнула второй носок, затем проверила тапочки. Хоть что-то она оставила в покое?

Резкий стук в дверь заставил меня подпрыгнуть. Я хромая подошла, приоткрыла дверь, собираясь спросить, кто там, — и её тут же толкнули наружи. На пороге была Дарья. Её подруги заглядывали через плечо: одна смотрела на койку, другая — на тумбочку с ноутбуком. Я заслонила проход, но Дарья уже протиснулась.

— Алиса, у тебя окно открыто. Дарья поправила прядь у виска, как будто пришла на свидание, а не в чужую комнату. — Мне завтра сниматься для клуба. Сама любишь ходить растрёпой — другим хоть не мешай. Извинись.

За моей спиной торчала незастеленная часть простыни, на полу лежал носок. Я вдруг увидела всё их глазами и ненавидела это: моя комната, почему я должна стесняться в ней? — Окно было закрыто, Дарья. И твои «подруги» здесь лишние.

Она шагнула вперёд, плечом толкнув меня в грудь. Я отступила и наступила на рассыпанные кристаллы. Охнув, схватилась за край стола. Дарья усмехнулась, увидев мою гримасу.

— Нервная? Понимаю. Когда живешь в таких условиях, нервы становятся хрупкими.

Она прошла внутрь, не спрашивая разрешения. Взгляд скользнул по бедной обстановке, остановился на моей раскрытой тетради по биомеханике. Там, между страницами, лежали мои заметки о травме колена Максима. Записи, сделанные сегодня на тренировке.

Дарья наклонилась, пальцы с идеальным маникюром коснулись бумаги. — Интересная литература. Шпионаж? Или ты собираешь компромат на капитана? Знаешь, декан очень не любит, когда стажеры занимаются не своим делом. Особенно если это касается конфиденциальных медицинских данных игроков.

Она достала телефон, наводя камеру на страницу. — Отдай! — я рванулась вперед, но она держала тетрадь высоко, отводя локоть от моей руки.

В этот момент из тени коридора вышел Егор Тимин. Он остановился у открытой двери, посмотрел на мои босые ноги, потом на тетрадь у Дарьи.

— На вахте ждут гостей из вашей комнаты, — сказал он, глядя на Дарью. — Я могу сейчас позвать коменданта сюда.

Дарья фыркнула, убирая телефон в карман, но тетрадь не отдала. — Прилежный неудачник, — мурлыкнула она, проходя мимо него. — А Максиму будет интересно узнать, что его личная «собачка» так близко общается с защитниками. Ревность — чувство полезное.

Егор взялся за тетрадь. Дарья потянула к себе, но он держал, и угол обложки согнулся. Отдать тетрадь или порвать её у него на глазах — она выбрала первое. — Уходи, — сказал Егор. И отступил в сторону, освобождая ей проход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.